

Андрей Николаев

Художник, иллюстрирующий
всемирно известное произведение
литературы, должен быть готов
умереть в писателе.

Салон Анны Павловны Шерер

Какой холод!

Жемчужно-серые тона платьев, стен, зеркал — свет мертвенный, застывший.

Голубизна кресел, зелень теней — во всем этом есть ощущение какой-то болотной холодности: перед нами бал мертвецов, встреча привидений.

И в глубине этого уравновешенного царства — по контрасту — как вспышка жизненной энергии, как удар крови — красный воротник князя Андрея, отбитый белизной мундира, — капелька огня в этом болоте.

Портрете князя Андрея

Ледяное, в серых тонах выписанное лицо, тонкий силуэт на свинцовом фоне зеркала — князь вкован в великосветский мир, его тонкие губы сжаты, на лице нельзя прочесть ничего, но... какой бурный взрыв ярко-алого на белом! Алый воротник и отвороты белого кавалерийского мундира князя — цвет жизни, страсти, риска, полное отрицание болотной мертвенности. И в этом цветовом контрасте уже воспринимаешь излом бровей, огромные, словно внутрь устремленные, глаза.

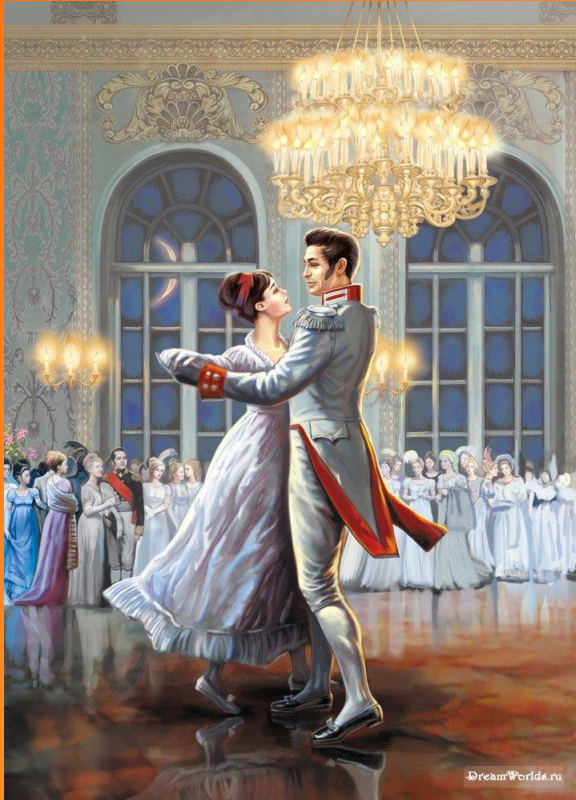
Какие страсти загнаны внутрь!
Какая трагедия затаилась.

Дети Ростовых

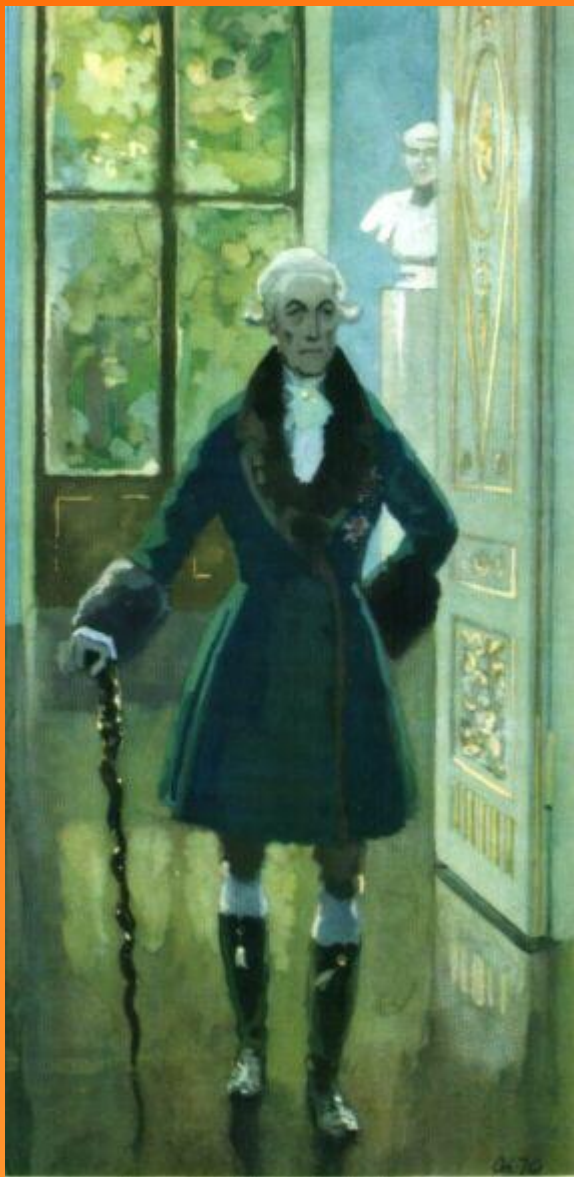
Вихрь солнца, наивная радость — тепло-розовый яркий колорит, и только черные мундиры Николая и Бориса отдаленно предсказывают войну и смерть в этом легком вихре жизни.

Бал у Ростовых

Полный контраст "Салону Шерер". Там вечер при свечах, и тут вечер при свечах, но тут совсем иной воздух: теплота, языческое жизнелюбие, смех, естественность. Там — болотная серость, тут — густая сочность красок. Но и там и тут — иллюзорность жизни: война еще не пронизала ее своим напряжением, печать наивности или призрачности лежит на людях, еще не разбуженных 1812 годом.

Старый князь Болконский

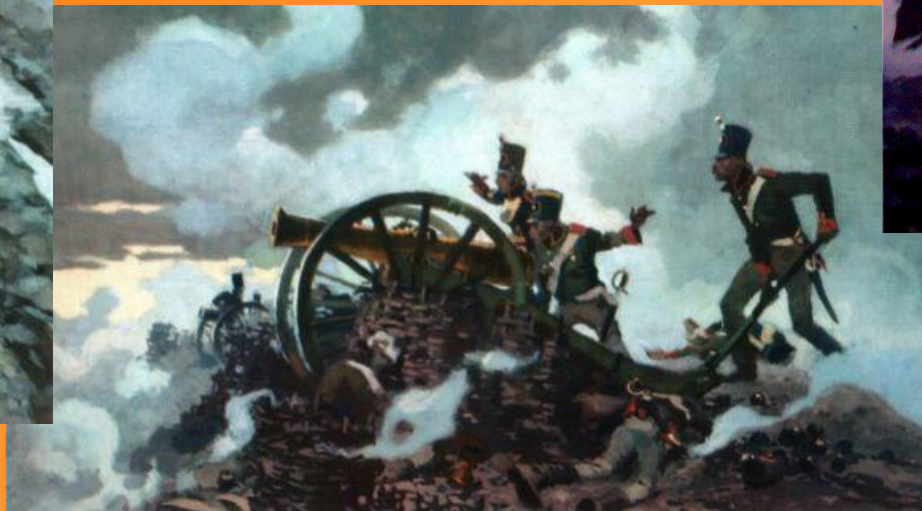
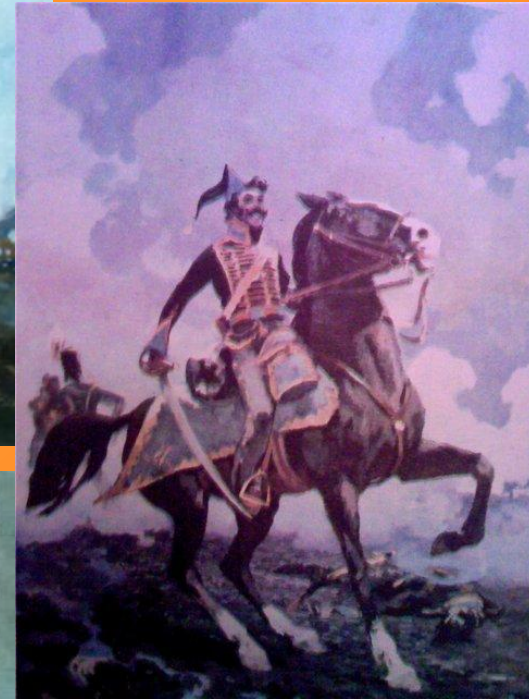
Поразительно ощущение летаргического сна в портрете "Старого князя Болконского": яркое буйство листвы отрезано от нас холодно блестящим стеклом, холодна голубизна стен, холоден серо-голубой цвет шубки, в которую одет отставленный от дел надменный аристократ, холодны скользкие блики на лакированном полу — все, как под стеклом аквариума: холод, пустота, тишина. Нет, еще не проснулась Россия...

Прощание князя Андрея с сестрой

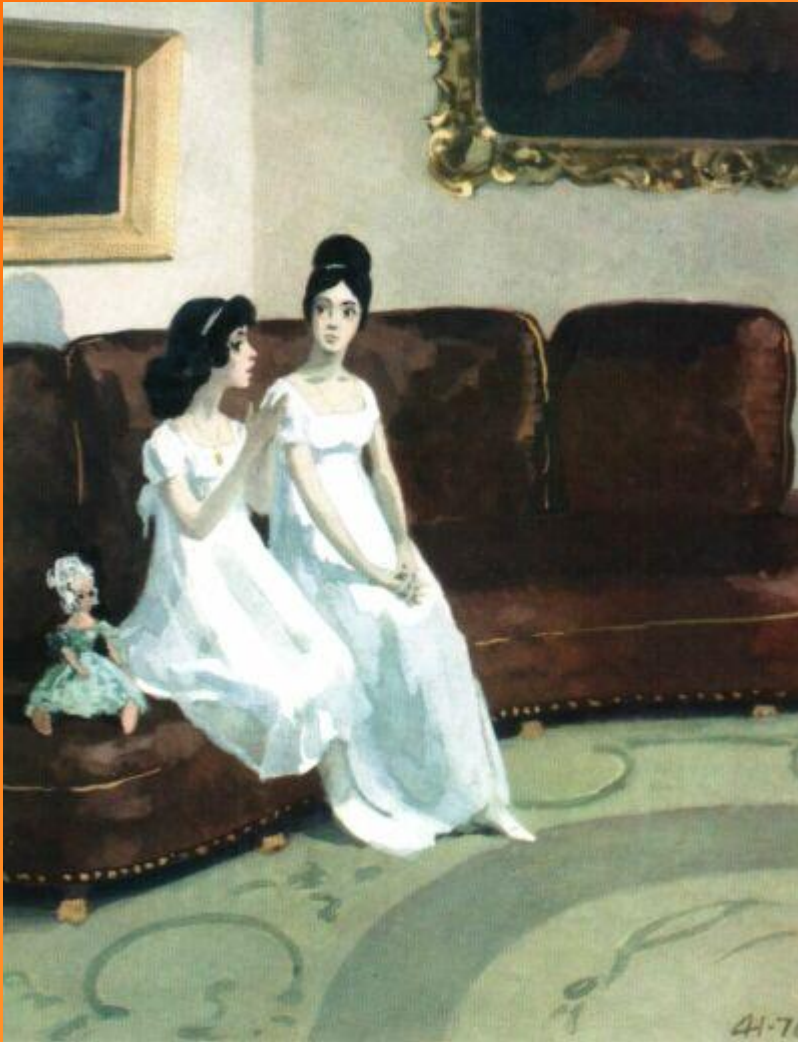
Но испытание близится.

Горяча гамма этой картины: горит красный воротник, мечутся блики свечей перед иконами, трепещет белый султан на шляпе — возбужденный, взбудораженный колорит, — Андрей уходит туда, где все горит и бушует, туда, где смерть и жизнь спорят и где уже начинается драма России.

И вот они на марше: сверкают белые зубы в улыбке, сверкают белые штыки, и словно стянуты извне солдаты одним белым ремнем портупей, и уже воцарился во всем новый цвет — дымный цвет войны, и в этой колористической гамме решены все батальные сцены: просверкивает белое, красное, огневое, зеленое, желтое — сквозь этот заволакивающий все, рваный, бесформенный дым. Война трактуется как тяжелый труд, как работа.

Наташа и Соня

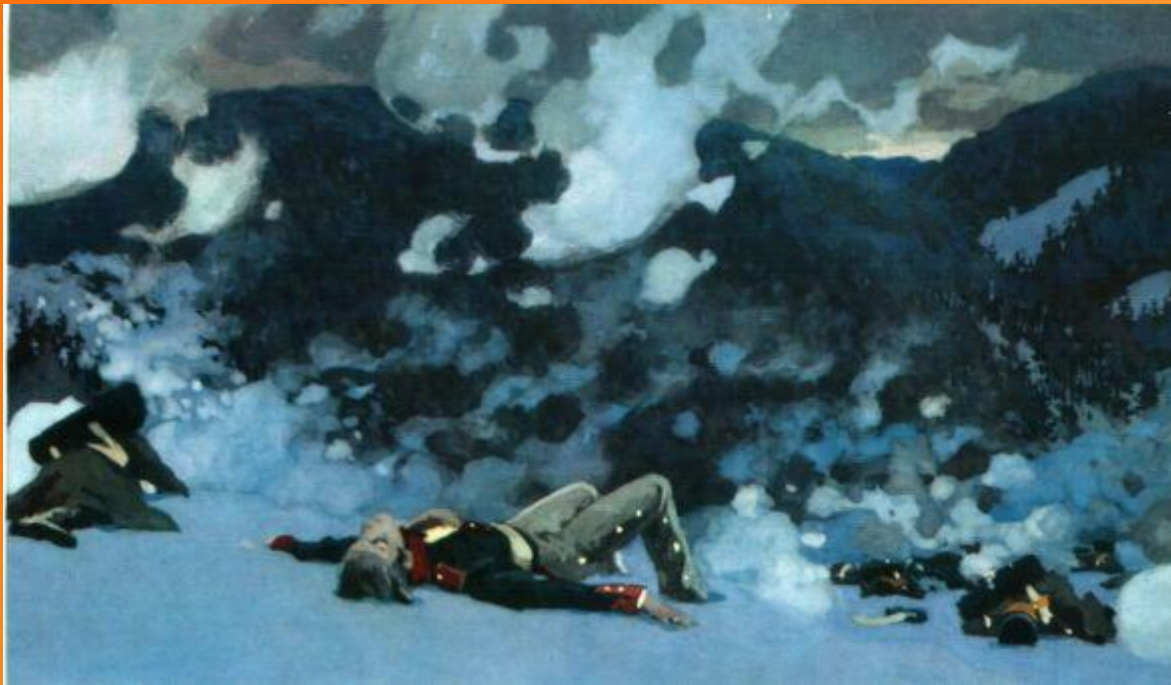
И уже по-иному в этом цветовом сопровождении еще раз возникают мирные сюжеты:

их гамма чуть переменялась. Мягкий, неуверенный, рассеянный колорит данной картины.

Пьер и Элен

Обострившаяся обманчивость предательского, желтого цвета лжи в сцене "Пьер и Элен". Жизнерадостные и наивные потеряли уверенность, уверенные в себе потеряли опору, дым войны словно снял дерзость красок с этих сюжетов...

И вот из этого густого клочковатого калейдоскопа разорванных и спутанных, перевитых дымом цветowych пятен,— жизни, крови, смерти, веры, отчаяния — выделяется, как звук трубы, "монолиния" цвета: пронзительная и чистая, давящая холодная синева.

"Раненый князь Андрей на Праценских высотах".

Вглядитесь, как рождается эта чистота из еще не развеянного дыма: что-то определилось в этом вихре, что-то ясно стало. Разбиты иллюзии, и человек возвращается к самому себе и видит небо над собой.

Вопреки многолетней традиции иллюстраторов "Войны и мира" Николаев отказывается рисовать это Аустерлицкое небо — он не хочет, чтобы законченность рисунка замкнула эту бесконечность, и он обрезает рисунок сверху, давая нам возможность самим продолжить эту открывшуюся синеву эту разверзшуюся бесконечность, этот путь в дальнейшее;

путь героев Толстого — к Бородинской битве... к истине... к Родине.

